

Дмитрий Филиппенко

Ступени

Хорошая погода

Нине Ягодинцевой

В Челябинске хорошая погода.
 Пельменная, и разговор с Дашкой.
 Не пьём вино, а пьём тархун с крем-содой,
 Таков закон. А далее пешком

Мы доберёмся до метеорита,
 И Сашка скажет: «Ни фиги себе!»
 Потом на семинаре деловито
 Мы разберёмся в чьей-нибудь судьбе.

Грустить в Челябине, хныкать — не годится.
 Стихи прочтём. Какие мы чтецы!
 И улыбнётся Нина Ягодинцева,
 И скажет: «Вы, ребята, молодцы!»

Идти по снегу — значит верить в снег,
 Тащить рюкзак с ненужными вещами,
 И убежать оттуда, где прощали,
 И всем назло топтаться по весне.

Идти по свету, наступая в свет,
 Не утонуть, слегка поджарить кеды,
 И в рюкзаке ракетки и ракеты,
 По-прежнему вещей хороших нет.

Идти по краю — значит верить в край,
 Не строить из себя большого труса
 И выбросить из рюкзака весь мусор,
 Свободным и пустым пришлопать в рай.

Мусор

Когда сжигаю мусор, на снегу
 Нет признаков весны. Трещат пустоты,
 Огонь опять не попадает в ноты
 И подбирает щепки на бегу.

Клубится дым, похож на кенгуру,
 Проглатывают семечки пространства,
 И, нарушая ноты постоянства,
 Он разрезает в темноте дыру.

Сгорает хлам. Дыхание огня
 Сбивается, срывается на шёпот.
 И начал таять снег, и хорошо так
 На улице и в жизни у меня.

Ступени

В. Т.

Ты чувствуешь вибрацию ступеней?
 Идём наверх, ведёт клубок из слов.
 Так хочется по шучьему веленью
 Призвать любовь из сказочных веков.

Сползает свет, и пряники двустийшии
 Мы кушаем и портим аппетит.
 Шепчу тебе, Виктория, потише,
 Ведь колокол нам шёпот не простит.

Финальный шаг, дрожат твои колени,
 Снимаешь туфли. Таганай вдали.
 Ты чувствуешь вибрацию ступеней?
 — Да, чувствуя, на цыпочках пошли.

Улица Тихая — тихая улица,
 Где облелиха цветёт.
 Дом ювелира гниёт и сутулится,
 В доме никто не живёт.

Жители спали, соседи не видели,
 Как убивали семью.
 Шторы задёрнуты, холод в обители.
 На подсудимых скамью

Прошлой весной никого не отправили,
 Всем наплевать на беду.
 Есть три могилы — отсутствует памятник,
 Но облелиха — в цвету.

В старом небе новый пепел
 Падает на школьный двор.
 Снеговик солдата лепит,
 Устремляя к солнцу взор.

Он успеет, он поставит
 Памятник своей зиме.
 Русский воин не растает,
 Не погибнет на земле...

...Школьник спит, письмо в конверте,
 Строчки бабушке своей:
 Русский снеговик бессмертен
 Вместе с Родиной моей!

Размешивая слёзы на холсте,
Малюю я грехи свои, пороки.
Не жду уже друзей и новостей.
Смерть преподносит частные уроки.

В моих глазах погашен дальний свет,
Не различаю «хорошо» и «плохо».
И воздуха в моих картинах нет,
И выдоха, а значит, нет и вдоха.

Похоже получается портрет,
Я зеркало рисую или жижу.
Но отражается живой скелет.
Художник я, а значит, я так вижу.

Джон Коннор

Когда Джон Коннор был здоров
И ездил на мопеде,
Мы с дедушкой пасли коров,
А после на обеде
С картошкой ели пироги.
Затем я шёл к невесте.
А Шварц наматывал круги
И заряжал винчестер.
Давно закончил институт,
Женат, пишу поэмы.
А Коннор жив и так же крут,
Решает все проблемы.
Проходит жизнь, как сериал,
Стара, как Роберт Патрик.
Когда Джон Коннор умирал,
Я спал в кинотеатре.

Туманы

Стелются туманы в голове.
Серый пепел лёг на тротуар.
По проспекту чёрный человек
Шёл опохмелиться в старый бар.

А в душе его гудит война,
А в крови брезентовый мороз.
С каждой рюмкой ёкает весна,
Расцветает медуница слёз.

И звенят колючие стихи,
На коленях пьяная форель
На крючке. Вчерашние духи
Соблазняют. И в глазах апрель.

Нежные туманы в голове.
Серый пепел лёг на гололёд.
Возвращался чёрный человек.
Завершался двадцать пятый год.

Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий.
В Териберке прекрасная зима.
Не нужно мне египтов, турций, даний.

Луна на ледовитом рубеже
Висит, как будто бронзовая буква.
В воде дыхания морских ежей.
И в каждом шаге созревает клюква.

На ледоколе «Ленин» хорошо.
Любое судно перед ним — калоша.
И за рулём командует Коржов...
И охраняет Родину Алёша.

Покойник

Капли ржавые из рукомоЙника
Выползали в больничную тьму.
Вывозили из лифта покойника,
Но глаза не закрыли ему.

И смотрел он в тайгу потолочную,
А над телом жужжала пчела.
На рассвете с душою молочной
Улетела сквозь улей стекла.

И остался один в коридоре я,
Выпадали осадки из глаз.
Превратился в чесночное горе я.
Кто покойник и здесь, и сейчас?

Плесень

В плесени мои родные сени,
И в грязи испачканы пороги.
У меня повесился Есенин,
У меня повесился Ставрогин.

По моей квартире ходят сплетни,
Собирают строчки или спички.
И когда приходит ветер летний —
Улетают бабочки-синички.

Может, это дүхи или души.
Разница видна и ощутима.
Я от страха закрываю уши.
Кто ты? Что ты, Филиппенко Дима?

По моей вселенной едут крыши.
Я замёрз до боли и до нитки.
Под моим окном гуляет Рыжий.
Турбинá смеётся у калитки.

В Катаре солнце ползёт по росе.
Плачут Лукаки и Витцели.
Сборная Бельгии едет в Брюссель.
Красные дьяволы выцвели.

Штанги звенели, и чёрные львы
В шашки играли с хорватами.
Но уступили — и дамки мертвы.
Судьи опять виноватые...

Старый Ван Дамм оседлал карусель.
В городе пахнет ирисами.
Сборная Бельгии. Утро. Брюссель.
Мальчик встречает и писает.

Лиса

Зима в селе мороз вязала.
Мужик чем мог кормил семью.
У дров лиса пилу лизала
И поглощала кровь свою.

А рыжая жена пилила,
Что муж лентяй и лоботряс.
Лиса от голода скулила,
Снежинки падали из глаз.

Мужик не выдержал аврала,
Разбил стакан, ушёл в мороз.
Лиса у стайки умирала,
Но сытая до лисьих слёз.